

Ч Ж А Н
Ю Э Ж А Н Ъ

К О К О Н

张
悦
然
茧

Ч Ж А Н
Ю Э Ж А Н Ъ

К О К О Н

Р О М А Н

*Перевод с китайского
и примечания
Алины Перловой*

phantom press

Москва

УДК 821.581.11
ББК 84(5Кит)
Ч-57

18+

张悦然
莹

© 张悦然, 2016

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения владельца авторских прав.

Книга издана при содействии New River Agency

Перевод с китайского и примечания Алины Перловой
Редактор Игорь Алюков

Оформление и макет Андрея Бондаренко

Чжан Юэжань

Ч-57 Кокон: Роман / Пер. с кит. А. Перловой. — М.: Фантом Пресс, 2021. — 544 с.

Чэн Гун и Ли Цзяци — одноклассники и лучшие друзья, но их детство едва ли можно назвать счастливым. Мать Чэн Гуна сбежала из семьи с продавцом лакричных конфет, а Ли Цзяци безуспешно пытается заслужить любовь отца, бросившего жену и дочь ради лучшей жизни. Кроме семейного неблагополучия Чэн Гуна и Ли Цзяци объединяет страстная любовь к расследованиям семейных тайн, но дети не подозревают, что очередная вытасченная на свет тайна очень скоро положит конец их дружбе и заставит резко повзрослеть. Расследуя жестокое преступление, совершенное в годы “культурной революции”, Ли Цзяци и Чэн Гун узнают, что в него были вовлечены их семьи, а саморазрушение, отравившее жизни родителей, растет из темного прошлого дедов. Хотя роман полон истинно азиатской жестокости, Чжан Юэжань оказывается по-христиански милосердна к своим героям, она оставляет им возможность переломить судьбу, искупить грехи старших поколений и преодолеть передававшуюся по наследству травму.

ISBN 978-5-86471-868-1

© Алина Перлова, перевод, 2020
© Андрей Бондаренко, оформление, 2021
© «Фантом Пресс», издание, 2021

ЧАСТЬ I

9

ЧАСТЬ II

61

ЧАСТЬ III

193

ЧАСТЬ IV

397

ЧАСТЬ V

527

*Бедное дитя!
Лучшим подарком
тебе будет
капелька невзгод.*

У. М. Теккерей
«Кольцо и роза»*

* Перевод Р. Померанцевой. —
Здесь и далее примеч. перев.

Ч

А

С

Т

Ь

І

После возвращения в Наньюань я две недели выходила только в ближайший супермаркет. Нет, еще в аптеку — купила таблетки от бессонницы. А так все время сидела подле умирающего — в этом громадном доме. Но утром он впал в забытие и не просыпался, как я ни звала. Небо затянуло тучами, давление в комнате упало. Я стояла у кровати и чувствовала, как тени смерти кружат под потолком, словно стая летучих мышей с черными крыльями. Наконец этот день настал. Я вышла из комнаты.

Л И
Ц З Я -
Ц И

Достала из чемодана толстую вязаную кофту. Отопление здесь всегда работало плохо, а может, просто дом слишком большой. Я долго пыталась ужиться с холодом, сочившимся из-под штукатурки, но сегодня терпеть стало невозможно. Не включая свет, зашла в ванную. От холодного синеватого света люминесцентной лампы-трубки стало бы еще зябче. Я умылась над раковиной, размышляя о том, что случится завтра. Завтра, когда он умрет, я заменю все лампы в этом доме. Труба под раковиной протекала, и вода лилась на пол, в темноте она омывала мои ноги, теплая, словно кровь. Я все стояла у раковины и не могла найти в себе силы, чтобы закрыть кран.

Я спустилась на кухню, поджарила два яйца, вставила хлеб в тостер. Села за стол, медленно позавтракала, а потом достала из кладовки лестницу и пошла по комнатам снимать шторы с окон. Вернулась в гостиную на первом этаже и едва ее узнала. Я стояла в дверях и, щурясь, смотрела

Ч
А
С
Т
Ь

0 на большое голое окно гостиной. Солнечные лучи высве-
1 чивали даже мелкие пылинки, оглаживали запертую в ком-
2 нате тайну.

После обеда я снова поднялась в спальню, чтобы по-
смотреть на него. Тело, придавленное толстым пуховым
одеялом, будто немного усохло. Было все так же пасмур-
но, смерть кружила под потолком, не решаясь спуститься.
Я почувствовала, как грудь сжало удушье, как стучит кровь
в висках, накинула пальто и выбежала из дома.

Я бесцельно бродила по кампусу медуниверситета. Про-
шла мимо заброшенной школы, мимо галереи за библио-
текой, мимо опустевших трибун на спортплощадке, но
и там не вспомнила о тебе. Пока не оказалась у западного
сектора Наньюаня. Старые дома снесли, на их месте стоя-
ли новенькие высотки со сверкающими металлическими
дверями. Я двинулась мимо, дальше на запад, и с удив-
лением увидела, что твой дом по-прежнему на месте —
со всех сторон окруженный башнями, он одиноко жался
к ограде.

Я понимала, что вряд ли найду тебя там, ведь прошло
столько лет. Но все равно вошла в подъезд и позвонила
в квартиру 102. Из-за двери ответили: заходи. Помедлив,
я открыла дверь и вошла. Внутри было темно, на плите,
должно быть, что-то варилось — по комнате плыл густой
пар. В кресле, закрыв глаза, сидел мужчина — похоже, спал.
Сквозь сумрак, клубы пара и минувшие годы я все равно
узнала тебя. Тихо позвала: Чэн Гун. Ты медленно открыл
глаза, словно все это время ждал меня, устал от ожидания,
вот и задремал. На секунду мне даже померещилось, что
мы договаривались о встрече, просто у меня это стерлось
из памяти. Но на самом деле ты меня не узнал, а когда я на-
звалась, радости не выказал. Я с трудом подыскивала сло-
ва, которые принято говорить после разлуки, вспомнила
к старых друзей, спросила про заброшенную школу. Скоро
о все слова, лежавшие на поверхности, были сказаны и мы
к увязли в молчании. Я не смогла придумать предлог, чтобы
о посидеть еще немного, поднялась и попрощалась.
н

Ты проводил меня до порога. Увидимся — всего хорошего, я вышла в подъезд, и дверь за мной закрылась. В полной тишине было слышно, как с железной притолоки слетела пыль. Я стояла в подъезде, не решаясь выйти наружу. Боялась, что как только окажусь под уличным светом, нас с тобой снова разведет в разные стороны. В подъезд ворвалось ледяное дуновение, дверь скрипнула, будто кто-то вздохнул в темноте. Спутанные мысли ожили под сквозняком, словно разгорелись тлеющие уголья. Я начала понимать, зачем я здесь, собралась с духом и снова нажала на звонок. Я пригласила тебя зайти вечером в белый особнячок. Не дожидаясь ответа, развернулась и вышла на улицу.

0
1
3

Тропинкой вдоль озера я медленно возвратилась назад. Когда снова зашла в эту комнату, на душе было уже спокойно, я впервые достала из шкафа диск с фильмом и поставила его в плеер. Потом заварила чай, принесла два стула и села ждать тебя. Небо за окном постепенно темнело, человек на кровати что-то пробормотал — наверное, сон унес его далеко. Дышал он очень старательно, комнату заполнял бордовый воздух из его прогнивших легких. Почти исчезнувшее солнце вдруг блеснуло, и тусклое небо просветлело, как сознание умирающего перед смертью, — казалось, вот-вот оно явит какое-нибудь знамение. Окно распахнулось от ветра, я встала закрыть и только тут увидела, что идет снег. Внезапно я осознала, что ты не придешь. Но продолжала ждать.

л и
ц з я -
ц и

Я смутно понимала, что именно так все и должно было случиться. Стемнело, снег повалил гуще. Я стояла у окна, всматриваясь в дорогу, проходящую чуть в стороне. Но вместо дороги лежала безбрежная белая гладь. Я впиалась глазами в эту белизну, чудилось — еще немного, и ослепну. Наконец замаячила черная точка, словно росток, проклюнувшийся сквозь землю, — она разрывала белизну и становилась все больше. Это был ты.

ч
а

Ни о чем не спрашивая, ты поднялся за мной, зашел в спальню. Ты будто все знал заранее, даже не удивился, увидев его в постели. Только шагнул поближе и посмотрел

с
т
ь

о на его лицо так, словно пытался взвесить эту жизнь, подве-
1 сти ей итог. Но задача была не из простых, и в конце кон-
4 цов ты запутался в расчетах и оцепенело смотрел на него,
пока я не принесла тебе стул.

Да, ты увидел — мой дедушка умирает. Знаю, мне сле-
довало позвонить в больницу, придет “скорая”, его уве-
зут, и нынче же ночью соберется консилиум, дабы сделать
все возможное, чтобы реанимировать больного. Наверное,
они сумеют продлить ему жизнь — на несколько дней, но
не больше. А потом начнут готовить похороны — цере-
монию прощания с академиком Ли Цзишэном. И я, един-
ственная родственница умершего, присутствующая на по-
хоронах, провожу его в последний путь. Люди со слезами
будут вспоминать его жизнь, двигаться мелкими шажка-
ми к гробу, огибать его, незнакомцы станут рассказывать
мне, каким великим, мудрым и уважаемым человеком был
мой дедушка... На похороны придет губернатор (или мэр),
участливо пожмет мне руку, выразит соболезнования. Обь-
ективы камер, как верные псы, станут следовать за ним,
ловить благостное выражение на моем лице. Всё сделают
за меня, мне останется лишь заготовить достаточно слез
для похорон.

И, скорее всего, мне удастся заплакать. Не по умерше-
му, а по всему тому, что уйдет вместе с ним. Вот только
я не смогу заставить себя позвонить в больницу. Один зво-
нок — и его смерть превратится в торжественное меро-
приятие, не имеющее ко мне никакого отношения. Его
окружат медсестры, врачи, ученики и коллеги, явятся с ви-
зитом какие-нибудь начальники, а еще пресса... Целая тол-
па втиснется в последний отрезок его жизни, дабы при-
дать близящейся смерти должный размах. Великой жизни
полагается грандиозная смерть. Тонет огромный корабль.
к Зная, что не должна мешать торжественному уходу вели-
о кого человека, я все равно вцепилась в оставшееся ему
к время и не думаю ослаблять хватку. За все эти годы я ни-
о чего у него не просила, ни заботы, ни любви, ни славы...
н Ничего мне было не надо. И сейчас мне нужна только его

смерть, я хочу получить ее в свое полное распоряжение. 0
Я жду этой минуты, жду, когда несуществующий голос объ- 1
явит мне, что все кончено. 5

Днем, глядя на тебя, я чувствовала, как что-то мешает, стоит между нами, — наверное, тебе давно известна эта тайна. Может, за долгие годы она успела растаять и просочиться в самую суть жизни. Но я уверена, что она все еще существует, пусть и в другой форме, и что ты тоже не научился жить так, словно ее нет. Давай поговорим о ней? В первый и последний раз, и оставим все, что с ней связано, в сегодняшнем вечере.

Как густо валит снег. Крупные хлопья ложатся на землю, будто Бог бросает вниз письма, что писали ему люди. Рвет на клочки и бросает.

Я здесь ненадолго. Пережду метель и пойду на вокзал. Сегодня ночью я уезжаю, путь неблизкий. На самом деле я должен был выехать еще днем: когда ты пришла, я ждал доставщика воды. Явись он раньше, мы бы с тобой, наверное, не встретились.

**Ч Э Н
Г У Н**

Днем я собрал чемодан, зашел на кухню выпить воды, увидел, что в кулере пусто, и позвонил в службу доставки. Прошло полчаса, паренек с водой так и не объявился. Вообще я не собирался его ждать, но в прошлый раз у меня не нашлось наличных, и я остался должен ему, вот и решил, что надо вернуть долг. Перед отъездом лучше завершить все дела. На улице было пасмурно, пить хотелось все сильнее, я достал из шкафа старый чайник, налил в него воды, поставил на плиту. Голубое пламя с шипением лизало дно чайника, он что-то шелестел в ответ, а я опустился в кресло и неожиданно заснул, мне даже приснился сон. Во сне мы с Большим Бинем и Цзыфэном снова были подростками, сломя голову неслись по ночному переулку. Похоже, мы выпили, нам было весело, прыщи на наших лицах пламенели. Мы бежали и бежали по переулку, а потом оказались на проспекте. Там мерцали неоновые огни и целая толпа таких же молодых ребят с пивными банками в руках двигалась в сторону площади. Мы запрыгнули в красный джип, припаркованный у обочины, двигатель взревел, и мы, свистя и улюлюкая, высунулись из окон. В облаке веселого праздничного угара джип летел вперед.

**Ч
А
С
Т
Ь**

0 Сквозь сон я услышал стук, решил, что это паренек с во-
1 дой, крикнул: “Заходи”. Дверь была не заперта, так что он
8 мог войти и поставить бутылку. Я сидел с закрытыми гла-
зами, вспоминая недавний сон. Он напоминал последние
кадры какого-то фильма: исчезающая вдали машина, уз-
кие улицы, крошечные дома, затихающие возгласы, смех.
Занавес, темнота. Они будто всё забрали с собой, и я тихо
сидел в темноте, похожий на пустую чашку. Потом я почув-
ствовал, что по комнате гуляет холодный ветер, значит,
входная дверь осталась открытой. Но шагов я не слышал,
в квартире висела тишина.

Я открыл глаза. Ты стояла у порога. Не знаю, сколько
ты там простояла, может быть, ты даже видела, как я захо-
тал во сне. И как я огорчился, очнувшись, — видела меня
в минуту наибольшей слабости. Ты тихо позвала: Чэн Гун,
голос прозвучал хрипло, как у человека, который слиш-
ком долго молчал. Собирался снег, небо заволокло тучами,
в комнате было темно. На плите шумно бурлил чайник.
Я пристально смотрел на тебя, убеждаясь, что понятия не
имею, кто ты такая. Но в сумрачном свете мне вдруг по-
казалось, что эта незнакомая женщина, стоящая в дверях,
почему-то тесно связана с моей судьбой. От этого чувства
спину обдало холодом. Я напрягал память, кадры из про-
шлого щелкали, сменялись перед глазами. А потом ты ска-
зала, что ты — Ли Цзяци.

Белый пар наплывал на твое лицо, взбитая ветром за-
вивка, подрагивающие колени, едва прикрытые полами
пальто, — все это убеждало меня, что ты существуешь, что
ты не продолжение недавнего сна. С нашей последней
встречи прошло восемнадцать лет, неудивительно, что
я тебя не узнал. Без косметики твое лицо выглядело блед-
ным и припухшим, но в целом наши ожидания оправ-
дались — ты превратилась в настоящую красавицу. Ма-
ленькое лицо сердечком портила лишь серая тревожная
к тень — верная примета столичного жителя. Ты спроси-
о ла: наверное, ты представлял меня иначе? Вместо ответа
о я улыбнулся. Честно говоря, я никогда не думал, какой
н

ты станешь. Все, что было с тобой связано, я мысленно отправил в архив, запечатав сургучом. Это может прозвучать немного обидно, но я и правда не ждал новой встречи с тобой.

Я прошел на кухню, выключил плиту. Вода успела наполовину выкипеть, комнату затянуло белым туманом. Ты напряженно села, глядя, как я разливаю чай. Спросила: — Все по-старому, живешь с тетей и бабушкой?

Я сказал, что бабушка умерла, живу с тетей.

— Она так и не вышла замуж?

— Нет.

Разговор не клеился. Мы вязли в молчании, я чувствовал, как что-то тяжело давит на грудь, и хотел одного — поскорее закончить нашу встречу. Наверное, ты это заметила, но все равно старательно отыскивала новые темы для разговора. Чай остыл, туман в комнате рассеялся, наконец ты встала и попрощалась. Я с облегчением закрыл за тобой дверь, но тут снова раздался звонок. Теперь ты пригласила меня зайти вечером в белый особнячок. Я хотел отказаться, но ты уже ушла.

Я и не думал соглашаться. Мне казалось, что ни тебе, ни мне не нужна эта встреча, неважно почему. Я сидел в кресле и курил одну сигарету за другой, за окном темнело, и вдруг в дверь постучали. За порогом стоял паренек с бутылью на плече, оказалось, он отвозил воду в западный пригород. Лицо под испачканной серой шапкой выглядело растерянным.

— Я заблудился.

Проводив его, я надел пальто, взял чемодан и спустился на улицу. Было уже темно, в воздухе кружил снег. Я вышел из Наньюаня и целую вечность простоял у обочины, надеясь поймать такси, но машин не было. Наконец вдали показалось такси, но водитель замахал рукой и крикнул, что едет в гараж. Я уже не на шутку замерз, переминался с ноги на ногу, согревал руки дыханием. В ресторанчике у меня за спиной хлопнула дверь: хозяйка побежала в соседний магазин за сигаретами для гостя. Увидела меня

Ч Э Н
Г У Н

Ч
А
С
Т
Ь

о и радостно поздоровалась. Прошлым летом я часто прихо-
2 дил в ее ресторанчик выпить.

о — Уезжаете? — спросила хозяйка.

Я кивнул.

— Торопитесь? Переждали бы снег, а то машину сейчас не поймать.

И я пошел за ней. За дальним столиком сидел средних лет мужчина, хозяйка подала ему сигареты, он сорвал с пачки целлофановую обертку и закурил. Я сел за столик у окна, попросил тарелку лувэй*. Хозяйка была родом из Чаочжоу**, сюда приехала за мужем, потом муж сбежал с любовницей, а она осталась.

— Есть пиво лаосское, недавно завезли, хотите попробовать?

Я согласился, хотя пить совсем не хотелось. Я знал, что алкоголь расслабляет волю.

Я пил и закусывал сушеным доуфу. Пиво было легким, со вкусом лета. Хозяйка увлеченно беседовала с мужчиной, они обсудили и статую Мацзу***, и рецепты доуфу с начинкой из свиного фарша.

— Вода здесь плохая, — сокрушалась хозяйка. — Доуфу получается невкусный.

Потом мужчина расплатился и ушел. Кроме меня, посетителей не осталось, наступила тишина.

— Как там астма у вашей знакомой? — вдруг спросила хозяйка. — Недавно один посетитель рассказывал, что в их семье из поколения в поколение передается рецепт снадобья от астмы, так я попросила записать. — Она принялась рыться в ящике под прилавком. — Да где же он?

— Бросьте, не ищите.

— Вот, нашла! Вспомнила про вас и припрятала.

— Спасибо. — Я взял рецепт, сунул его в карман.

Она вернулась к прилавку, зажгла сигарету и пробормотала:

к

о

к

о

н

* Лувэй — холодные закуски, приготовленные в соевом маринаде.

** Чаочжоу — городской округ провинции Гуандун на юге Китая.

*** Мацзу — в китайской мифологии богиня-покровительница мореходов.

— Как валит снег...

0

Я отвернулся к окну. По черному ночному небу металась снежинка. Землю уже замело. На следы в снегу падал новый снег, превращая их в едва заметные вмятины.

2

— Давно бы уехала отсюда на юг, если б не снег, — сказала хозяйка. — Вы любите снег?

1

— Люблю.

Больше мы не говорили, молча смотрели на метель за окном. Я вглядывался в светящуюся полосу между фонарем и землей, тучи снежинок ожесточенно крутились в ней и опадали на землю, словно души, барахтающиеся в океане сансары.

Ч Э Н

Вспомнилось, что тем давним вечером тоже был снегопад, уроки закончились, и я отправился на встречу с тобой. Перед отъездом ты пришла с мамой в школу, чтобы оформить перевод. Возле учительской встретила Большого Биня и передала через него, чтобы я пришел после уроков к дому твоего дедушки.

Г У Н

Я понимал, что потом увидеться будет непросто, что это последняя возможность все тебе рассказать. Но шагал я все медленнее, а потом и вовсе остановился напротив магазинчика “Канкан” — помнишь, раньше мы часто туда заглядывали. Там я развернулся и пошел домой. Я слышал, тем вечером ты долго меня ждала во дворе и только перед самым ужином мама увела тебя домой. Извини, что заставил ждать понапрасну. Не знаю, что на меня нашло. Может, я чувствовал свое бессилие и хотел решить хотя бы, как закончить нашу дружбу. С того вечера все, связанное с тобой, я мысленно отправлял в архив.

Большой Бинь раздобыл ваш новый адрес и накануне твоего дня рождения, навалившись на парту, подписал открытку, но я отказался ставить на ней свое имя. Потом он еще расстраивался, что ты ничего не ответила и не поздравила его с днем рождения. От тебя не было новостей. Ты начисто исчезла из нашей жизни, именно так, как я и хотел. Думаю, тем самым ты пыталась сказать, что одобряешь мое решение: раз мы не можем вернуть прошлое,

Ч

А

С

Т

Ь

1

о поддерживать отношения нет никакого смысла. Когда-то
2 мы были так близки и верили, что нашу дружбу невозмож-
2 но разрушить, но на деле она оказалась очень хрупкой. По-
тому что с самого начала эта дружба была ошибкой — как
дерево, выросшее посреди дороги. Рано или поздно его
пришлось бы срубить.

Допив третью бутылку, я встал и застегнул пальто.

— Пора? — спросила хозяйка.

Я протянул ей деньги.

— Пройдите дальше, до большого перекрестка, может, там
будут машины. — Она проворно отсчитала сдачу, сунула
мне. — Счастливого пути!

Хозяйка распахнула дверь, в ресторанчик ворвался ве-
тер вперемешку со снегом.

Я шагнул было на улицу, но вдруг замер в дверях. За-
стыл на месте с пылающим от алкоголя лицом. Наконец
услышал, как спрашиваю хозяйку:

— Можно ненадолго оставить у вас чемодан? Вспомнил
кое о чем.

— Конечно! Все равно в такую метель мне домой не до-
браться. Можете хоть ночью его забрать. — Она улыбноу-
лась. — А я-то все гляжу, вы весь вечер сидите как на игол-
ках. Ступайте скорей!

Я поблагодарил ее и вышел в метель.

По пути к тебе я прошел мимо магазинчика “Канкан”.
На его месте теперь, правда, бистро “Дундун”. Стоянку для
велосипедов снесли, крутой подъем в гору сровняли, да
и дедушка твой переехал из западного сектора в белый
особняк. Но снег скрыл все перемены, и я чувствовал, буд-
то вернулся в тот вечер, когда мне было одиннадцать: ты
уезжаешь, я иду проститься. Только теперь я не остановил-
ся напротив магазинчика. Наконец-то я проделал тот путь,
что не смог пройти однажды.